

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Белова Наталья Руслановна

Ересь и еретик в чешскоязычной культуре побелогорской эпохи

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** — Наумов Николай Николаевич — кандидат исторических наук
- Официальные оппоненты** — Парамонова Марина Юрьевна — доктор исторических наук, ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН», Отдел исторической антропологии и истории повседневности, ведущий научный сотрудник
- Галямичев Александр Николаевич — доктор исторических наук, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Институт истории и международных отношений, кафедра всеобщей истории, профессор
- Гусарова Татьяна Павловна — кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», исторический факультет, кафедра истории средних веков, доцент

Защита диссертации состоится «10» ноября 2025 г. в 14 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А 416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3573>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Для изучения раннего Нового времени религиозная проблематика имеет огромное значение, поскольку в эту эпоху усиливается воздействие конфессиональных факторов на политическую, социальную, экономическую и культурную жизнь католических и протестантских обществ. Этот феномен в историографии получил название конфессионализация. Наряду с процессами догматического и организационного размежевания конфессий происходило формирование «конфессиональной» культуры, главной задачей которой была репрезентация своего вероучения католиками или протестантами. Поэтому проблема ереси и взаимодействия с представителями других религиозных групп в раннее Новое время занимала умы как светской и церковной властей, так и простого населения.

В XVI–XVII вв. в Европе произошел всплеск религиозных конфликтов, в связи с чем становится актуальным изучение дискурсов религиозной терпимости и нетерпимости в католической и протестантской культурах, обращение к данной проблематике необходимо для понимания эпохи. Возникает вопрос о том, как понималась толерантность в раннее Новое время, и чем объяснялось терпимое или нетерпимое отношение к представителям других конфессий. Религиозная нетерпимость и конфликты на религиозной почве имеют место и в современном, в значительной степени секуляризованном, мире, что делает вопрос о том, как католики и протестанты воспринимали друг друга в конфессиональную эпоху, в высшей степени актуальным.

Интерес к проблеме взаимодействия разных конфессий в Чешских землях связан также с уникальной для Европы религиозной ситуацией, сложившейся в XV – начале XVII в., и серьезной трансформацией, произошедшей после битвы у Белой горы (1620 г.). В Чешских землях добелогорского периода сформировалась образцовая для раннего Нового времени модель толерантности, апогеем которой стал Маестат Рудольфа II от 1609 г., узаконивший Чешскую конфессию 1575 г. и уравнивавший в правах все христианские религиозные группы. Эта «вынужденная

толерантность» (терминология Ф. Шмагеля) не имела аналогов в Европе, проблема взаимодействия с другими религиозными группами, с которой другие государства столкнулись только после Реформации, в Чешских землях постепенно решалась еще со времен гуситских войн. Однако поражение чешских сословий в битве у Белой горы повлекло за собой серьезные изменения в церковной политике Габсбургов и в отношениях между католиками и другими религиозными группами. Уже в 1620-е гг. началась всеобщая и насильственная рекатолизация Чешских земель, по Обновленному земскому уложению 1627 г. католицизм признавался единственной допустимой религией. В связи с этими изменениями проблема взаимодействия с некаатолическими конфессиями становится весьма актуальной для побелогорского периода, что делает значимым исследование системы представлений о ереси и еретиках, внушаемой верующим и усваиваемой ими.

Объектом диссертационного исследования является чешскоязычная культура Чешских земель побелогорской эпохи. **Предмет** исследования – система представлений о некаатоличестве как о ереси и некаатоликах как еретиках в чешскоязычной культуре, рассмотренная в соотношении с религиозными, политическими, этическими представлениями эпохи.

Цель диссертации – установить, как восприятие ереси и еретиков чешскоязычной католической культурой побелогорского периода и транслируемое в чешскоязычных текстах отношение к некаатоликам коррелируют с особенностями католической идеологии эпохи. Таким образом, речь идет, с одной стороны, о толковании термина «ересь» и его синонимов как отвлеченных понятий, с другой – о восприятии некаатоликов как еретиков.

Данная цель позволяет сформулировать несколько **исследовательских задач**:

1. Установить, в чем состояли представления авторов чешскоязычных сочинений побелогорской эпохи о сущности «ереси».
2. Установить, какие принципы взаимодействия с «еретиками» были предложены авторами чешскоязычных сочинений побелогорской эпохи.
3. Определить, в каком отношении эти представления и принципы находятся к той доктрине о «ереси» и «еретиках», которая сформировалась в

Католической церкви.

4. Определить место этих представлений и принципов в общекатолической религиозности раннего Нового времени с особым фокусом на проблеме католической конфессионализации и феномене габсбургской модели благочестия (*Pietas Austriaca*).

Хронологические рамки исследования – побелогорский период, время всеобщей и насильственной рекатолизации Чешских земель. Нижняя граница периода может быть определена точно: битва у Белой горы (1620 г.), после которой Габсбурги перешли к новому этапу рекатолизации. Важно отметить, что рекатолизация представляла собой долгий и сложный процесс, который в разное время завершился в разных регионах Чешских земель, если вообще можно говорить о его полном завершении, поэтому точной даты окончания побелогорской рекатолизации нет. Несмотря на это, в качестве верхней хронологической границы можно выделить йозефинизм с его антиклерикальным дискурсом, в первую очередь издание патента о веротерпимости в 1781 г.

Территориальные рамки исследования включают всю территорию Чешских земель в XVII–XVIII вв. Вопрос о взаимодействии с некатолическим населением был актуален для всего государства, несмотря на региональную специфику рекатолизации. Отметим также, что проповедники, чьи сочинения послужили источниками для данного исследования, были разного происхождения и работали в разных регионах Земель Чешской короны, а их проповеди были адресованы всему чешскоязычному населению страны.

Теоретико-методологическую базу исследования составляет принцип историзма, являющийся базовым принципом для исторической науки и предполагающий рассмотрение исторических явлений в их динамическом развитии, выявление их внутренней логики, причин и последствий их возникновения. Изучение истории мысли требует применения проблемного метода, который позволяет рассмотреть различные аспекты взглядов католических авторов на ересь и взаимоотношения с некаталиками. Проблемный подход определяет и структуру работы: разделы диссертации будут выстроены в

соответствии с поставленными в рамках проблемы вопросами. Кроме того, исследование предполагает применение системного подхода, поскольку представления о ереси и еретиках, отраженные в чешскоязычных текстах, будут рассмотрены в соотношении с религиозными, этическими, политическими воззрениями побелогорской эпохи.

Степень научной разработанности темы. Тема диссертации в российской историографии разработана слабо, в отечественных работах практически не уделялось внимания ни представлениям о ереси, ни проблеме рекатолизации Чешских земель, ни побелогорскому периоду в целом. При этом важно отметить, что и в чешской исторической науке тема диссертации сравнительно мало исследована. Это тем более удивительно, что в современной чешской историографии наблюдается огромный интерес к эпохе барокко. Практически до конца XX столетия господствовало представление о побелогорском периоде как «эпохе тьмы», восходящее к концепции, предложенной писателем Алоизом Йирасеком в романе «Тьма». В XX в. интерес к эпохе барокко ограничивался литературоведением и искусствоведением, в остальном она воспринималась как время упадка и утраты чехами своей национальной и культурной идентичности. Изучением литературы и искусства чешского барокко в XX в. занимались такие исследователи, как З. Калиста, Я. Нойман, Й. Валка, М. Копецкий, В. Черный и другие¹. В 1968 г. в Брно была проведена конференция, результатом которой стал сборник «О культуре барокко»². В нем исследователи попытались рассмотреть чешское барокко как целостный феномен и отойти от устоявшихся представлений. Однако подлинный пересмотр концепции чешского барокко произошел на рубеже XX–XXI вв., катализатором стали научная конференция и выставка под названием «Слава барочной Чехии»³, вызвавшие «бум» исследований. В последние десятилетия вышло огромное количество работ, посвященных не только искусству,

¹ Kalista Z. České baroko: Studie, texty, poznámky. Praha, 1941; *Idem*. Tvář baroka. Praha, 1992; Neumann J. Škrétové: Karel Škréta a jeho syn. Praha, 2000; Válka J. Dějiny Moravy: Morava reformace, renesance a baroka. Brno, 1995; Kopecký M. Nic stálého přítomného: k literárnímu baroku. Brno, 1999; Černý V. Až do předsíně nebes: Čtrnact studií o baroku našem i cizím. Praha, 1996.

² O barokní kultuře: sborník statí / ed. Milan Kopecký. Brno, 1968.

³ Sláva barokní Čechie / ed. Vít Vlnas. Praha, 2001.

но и религиозности, политической культуре и повседневности эпохи барокко. Й. Микулец и ряд других чешских исследователей выделяют «барочное благочестие» как особый тип набожности, сформировавшийся в побелогорскую эпоху⁴.

Вопрос о взаимодействии католиков и протестантов в XVII–XVIII вв. рассматривался также в исследованиях, посвященных рекатолизации Чешских земель. В историографии XIX, а во многом и XX столетия рекатолизация ограничивалась борьбой католической церкви с другими конфессиями и воспринималась как важная составляющая «эпохи тьмы» – времени упадка, Контрреформации и интеграции Чешских земель в монархию Габсбургов⁵. Во второй половине XX в. появились исследования, в которых рекатолизация рассматривалась как сложный процесс, приведший не только к насильственному или добровольному переходу большинства населения в католицизм, но и к изменениям в культуре и ментальности чешского общества⁶. В контексте вопроса о взаимодействии с не католиками в побелогорский период принципиальное значение имеет работа Я. Кучеры, который показал, что рекатолизационная политика в отдаленных и труднодоступных регионах страны не привела к успеху, а число тайных не католиков там не только не уменьшалось, но даже возрастало в побелогорский период⁷. В последние десятилетия в Чехии выходит огромное количество исследований, касающихся разных аспектов рекатолизации: специфики ее проведения в разных регионах и среди разных групп населения⁸, тайных

⁴ Mikulec J. Náboženský život a barokní zbožnost v českých zemích. Praha, 2013.

⁵ Kameníček F. Náboženské následky bitvy bělohorské na Moravě // Sborník historický vydaný na oslavu desítiletého trvání Klubu historického v Praze. Praha, 1883; Bílek T.V. Reformace katolická, neboli, Obnovení náboženství katolického v království Českém po bitvě bělohorské. Praha, 1892; Denis E. Čechy po Bílé hoře. 1. díl. Vítězství církve. Centralism. Praha, 1904.

⁶ О периодизации, итогах и противоречивом характере рекатолизации см.: Hanzal J. Rekatoлизace v Čechách – její historický smysl a význam // Sborník historický. T. 37. Praha, 1990. S. 37–91; Kadlec J. Rekatoлизace v Čechách // Pražské arcibiskupství 1344 – 1994. Sborník statí o jeho působení a významu v české zemi. Praha, 1994. S. 129–149. Большой вклад в изучение рекатолизации внес Я. Панек. См.: Panek J. The Religious Question and the Political System of Bohemia before and after the Battle of the White Mountain // Crown, Church and Estates: Central European Politics in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Houndmills, 1991. P. 129–148; Idem. The integration of the Czech (Bohemian) lands in the Habsburg Monarchy in the age of counter - reformation // Přednášky z XXXVII. a XXXVIII. běhu LŠSS. Praha, 1995. S. 281–296.

⁷ Kučera J. Příspěvek k problemům lidového náboženství v 17. a 18. století // Sborník historický 23. Praha, 1976. S. 27–31.

⁸ См., напр.: Jirásko F. Reformace a rekatoлизace ve Slezsku a Kladsku v 16. – 18. století. Liberec, 2018; Fejtová O. Rekatoлизace v městech pražských v době pobělohorské – úspěch nebo fiasco // Barokní Praha – barokní Čechie. Praha 2004, s. 457–471; Mikulec J. 31.7.1627. Rekatoлизace šlechty v Čechách: čím je země, toho je i náboženství. Praha, 2005.

некатоликов⁹, побелогорской эмиграции¹⁰, деятельности религиозных братств¹¹ и т.д.

В историографии конца XX–XXI вв. активно разрабатывается тема религиозной терпимости и нетерпимости в раннее Новое время. Эта проблематика привлекает внимание исследователей из разных стран (работы Б. Каплана, Г. Лоутана, Дж. Ларсена и других)¹², не остаются в стороне и чешские историки (Н. Рейхртова¹³, Я. Панек¹⁴, Й. Мацек¹⁵). Принципиально важный вопрос заключается в том, как следует трактовать понятия «терпимость» и «толерантность» применительно к раннему Новому времени. В коллективной монографии под редакцией Дж. Ларсена и К. Недермана религиозная терпимость характеризуется как вынужденный отказ от борьбы с ересью, это позволяет исследователям сделать вывод о том, что голоса в пользу толерантности звучали на удивление часто и до эпохи Просвещения, терпимость существовала в разных формах и проявлениях¹⁶.

Проблема взаимодействия католиков и протестантов в конфессиональную эпоху рассматривается в работах о конфессионализации и социальной дисциплинаризации¹⁷. Эти концепции были разработаны в немецкой

⁹ Macek O. *Praxis pietatis haereticorum: disertační práce*. Praha, 2010; Čeští nekatolíci v 18. století. Mezi pronásledováním a náboženskou tolerancí. Ústí nad Labem, 2007.

¹⁰ Bobková L. *Exulanti z Prahy a severozápadních Čech v Pirně v letech 1621–1639*. Praha, 1999; Štěříková E. *Stručně o pobělohorských exulantech*. Kalich, 2005.

¹¹ Orlita Z. *Poslušná těla - poslušná mysl. Disciplinace v prostředí mariánských kongregací olomoucké diecéze v období raného novověku* // Časopis Matice moravské, r. CXXVII/2008, č. 2. S. 283–312; Mikulec J. *Barokní náboženská bratrstva v Čechách*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2000; *Idem*. *Proměny náboženských bratrstev v Čechách v raném novověku* // T. Jiránek, J. Kubeš (edd.). *Bratrstva. Světská a církevní sdružení a jejich role v kulturních a společenských strukturách od středověku do moderní doby* (III. pardubické bienále, 29.–30. 4. 2004). Pardubice, 2005. S. 19–36; *Idem*. *Náboženská bratrstva – institucionalizovaná zbožnost i smrt* // M. Holý, J. Mikulec (edd.). *Církev a smrt. Institucionalizace smrti v raném novověku*. Folia Historica Bohemica, Supplementum 1. Praha, 2007. S. 163–186.

¹² Zagorin P. *Ways of lying: Dissimulation, persecution, and conformity in early mod. Europe*. London, 1990; *Idem*. *How the idea of religious toleration came to the West*. Princeton, 2003; Kaplan B. *Devided by Faith: Religious Conflict and the Practice of Toleration in Early Modern Europe*. Cambridge, 2007; *Beyond the Persecuting Society: Religious Toleration Before the Enlightenment* / ed. John Christian Laursen and Cary J. Nederman. Philadelphia, 1998; Forst R. *Toleration in Conflict: Past and Present*. Cambridge, 2013; Louthan H. *Obracení Čech na víru aneb rekatolizace po dobrém a po zlém*. Praha 2011.

¹³ Reichrtová N. *Příspěvek k diskusi o «koexistenci či toleranci» náboženských vyznání v 15. – 17. Století* // Folia historica bohemica, 15, 1991. S. 443 – 450.

¹⁴ Panek J. *The question of tolerance in Bohemia and Moravia in the age of the Reformation* // *Tolerance and intolerance in the European Reformation*. Cambridge, 2002. P. 231 – 248.

¹⁵ Macek J. *Jagellonský věk v českých zemích (1471–1526)*. Praha, 1998.

¹⁶ *Beyond the Persecuting Society: Religious Toleration Before the Enlightenment*. P. 2.

¹⁷ Социальная дисциплинаризация (или социальное дисциплинирование) определяется как регулирование общественной и частной жизни людей с целью укрепления социальной и моральной дисциплины. Термин «социальная дисциплинаризация» был предложен Г. Эстрихом. Социальная дисциплинаризация тесно связана с конфессионализацией, которая предполагала осознанное усвоение верующими основ вероучения. Социальное дисциплинирование подразумевает, с одной стороны, совместные усилия церкви и государства по усилению

историографии и сначала применялись для описания сложной религиозной ситуации, сложившейся в Священной Римской империи после Аугсбургского религиозного мира¹⁸, а позже были восприняты исследователями из других стран.

Для исследования религиозной жизни раннего Нового времени огромное значение имеет работа Анны Корет «*Pietas austriaca*. Австрийское благочестие в эпоху барокко»¹⁹, в которой формулируется идея об особой значимости набожности для Габсбургов и их политики и о формировании у династии специфической модели благочестия. Работа А. Корет оказала огромное влияние на историческую науку и привела к дальнейшей разработке темы *Pietas Austriaca*. Для нашего исследования ценность представляет статья французской богемистки Мари-Элизабет Дюкре, посвященная рецепции габсбургской модели набожности в разных частях монархии²⁰. Исследовательница выдвинула тезис об отсутствии единой модели благочестия на всех подвластных Габсбургам территориях и о наличии региональной специфики *Pietas austriaca* в Чешских землях и Венгрии, где австрийская модель встречалась с местной религиозной культурой.

Таким образом, в историографии достаточно полно изучены вопросы о том, как формировалась государственная и церковная политика по отношению к некаатоликам, как происходило взаимодействие между разными конфессиональными группами в повседневной жизни. Сформулирован и разработан ряд концепций, позволяющих объяснить религиозно-культурные процессы в истории Европы раннего Нового времени в целом и Чешских земель в частности. Однако трактовка термина «ересь» в культуре, соотношение между понятиями «еретик» и «некаатолик», а также связь между теоретическими

общественной дисциплины, в том числе и контролю за соблюдением нравственных и религиозных норм. С другой стороны, необходимо отметить, что важной чертой дисциплинаризации было стремление самих общин к усилению контроля за соблюдением морали (Hsia R. Po-Chia. *Social discipline in the Reformation: Central Europe, 1550-1750*. London, New York, 1989; Schmidt H. R. *Sozialdisziplinierung? Ein Plädoyer für das Ende des Etatismus in der Konfessionalisierungsforschung* // *Historische Zeitschrift*, 265 (1997). S. 639–682).

¹⁸ Теория конфессионализации разработана в трудах Х. Шиллинга и В. Райнхарда: *Schilling H. Aufbruch und Krise: Deutschland, 1517–1648*. Berlin, 1988; *Reinhard W. Zwang zur Konfessionalisierung? Prolegomena zu einer Theorie des konfessionellen Zeitalters* // *ZHF*, 1983. № 10. S. 257–277. Из российской историографии см.: Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время: Доклады русско-немецкой научной конференции 14–16 ноября 2000 г. / Под ред. А. Ю. Прокопьева. СПб., 2004.

¹⁹ *Coreth A. Pietas Austriaca. Österreichische Frömmigkeit im Barock*. Wien, 1982.

²⁰ *Ducreux M.-E. Emperors, kingdoms, territories: multiple versions of the «pietas austriaca»? // The Catholic Historical Review*, Vol. 97, No. 2 (April, 2011). P. 276–304.

представлениями и отношением к некатолическому населению нуждаются в более детальном исследовании.

Обзор источников. Источниками для данного исследования послужили чешскоязычные сочинения католических авторов побелогорской эпохи. Выбор текстов на чешском языке обусловлен тем, что они, в отличие от латинских трактатов, были рассчитаны на широкую аудиторию. В условиях побелогорской рекатолизации их авторы обращались к простым верующим с целью углубления их религиозности, усвоения ими основ католического вероучения и формирования у них определенных представлений и моделей поведения.

Основную массу источников составили проповеди или сочинения, которые могли служить основой для деятельности миссионеров и проповедников. Особый интерес представляют постиллы, эта простейшая форма проповеди, подразумевающая объяснение только что прочитанных отрывков из Священного Писания, позволяла обратиться к самому простому и малообразованному населению. Авторами известных произведений такого жанра были М.В. Штейер, А. Кониаш²¹. После Тридентского собора, подчеркнувшего важность проповеди, гомилетическая литература получила широкое распространение, XVII в. можно считать временем ее расцвета. Это становится одним из важнейших факторов насаждения представлений о подобающем праведному католику образе жизни, о грехе и спасении, о ереси и еретиках. Исследование гомилетической литературы позволяет проследить, какие идеи постоянно транслировались во время проповедей, т.е. окружали простого верующего в повседневной жизни²².

Другую группу чешскоязычных текстов составляют агиографические сочинения: жития Вацлава, Людмилы, Яна Непомуцкого и других святых, созданные в эпоху барокко²³. Однако важно отметить, что четко разделить

²¹ *Šteyer M.* Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha, 1691; *Koniáš A.* Postylla, Aneb Celo-Ročnj Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swátečnj Epištoly, Též Ewangelia. Praha, 1756.

²² Конечно, проповеди не могут дать представление о том, насколько прочно транслируемые в них идеи укоренялись в сознании верующих. Однако важно, что все эти представления были знакомы прихожанам.

²³ *Kadlinský F.* Žiwot a Sláwa Swatého Wáclawa Mučedlnjka, Knjžete, Krale, a Pátrona Českého. Praha, 1702; *Idem.* Život svatě Lidmili rodičky, mučedlnice a patronky české dvojí slávou, totiž zemskou a nebeskou ozdobený. Praha, 1702; *Balbín B.* Žjwot S. Jana Nepomucenského, Hlawnjho Kostela S° Wjta Kanownjka, Collegialnjho v Wszech SS. na Hradě Pražském

сочинения чешских рекатолизаторов на группы не представляется возможным, поскольку все они имеют черты гомилетической литературы и носят назидательный характер. Это касается как барочных жизнеописаний святых, так и других сочинений: книги В.Б. Естржабского «Различные видения простого селянина»²⁴ – яркого примера визионерской литературы, мистического сочинения М. Виерия «Невеста Христова»²⁵, его же книги об идеальном правителе под названием «Христослав»²⁶, переводного сочинения о Преисподней «Вечная адская темница»²⁷ или описания паломничества в Стару-Болеслав²⁸.

Сочинения побелогорских авторов – яркие памятники литературы барокко, отразившие основные черты, присущие культуре и мировоззрению эпохи. Речь идет о контрастности и парадоксальности образов, об обращении к ветхозаветной мистике и аллегоричности.

Кроме того, в диссертации были использованы два списка запрещенных книг, составленных иезуитом Антонином Кониашем специально для Чешских земель²⁹. Анализ этих списков позволяет проследить отношение к книгам в побелогорскую эпоху, понять, какая литература считалась «еретической» и какими методами рекатолизаторы боролись с распространением некаатолических учений через литературу.

Авторы, чьи сочинения послужили источниками для нашего исследования, известны не только литературной деятельностью, они также были преподавателями, проповедниками, миссионерами, т.е. принимали непосредственное участие в рекатолизации Чешских земель, что говорит о

Děkana, w Kosteie Neyblahoslaweněgssý Panny před Teynem Kazatele, Pro newygewenj Swaté Zpowědi vvrženého do řeky Wltawy. Praha, 1684.

²⁴ *Jestřábek V.* Vidění rozličné sedláčka sprostného. Opava, 1719.

²⁵ *Vierius M.* Choť Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagický swého Milého, Pána nasseho Gežysse Krysta, gakož napomjná Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti. Praha, 1680.

²⁶ *Vierius M.* Christoslaus aneb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člověk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.

²⁷ *Šteyer M.* Wěčný Pekelný Žalář, Aneb Hrozné Pekelné Muky, Obrazy a Příklady. Praha: v Swatého Kljmenta blíž Mostu, w Carolo-Ferdinandské Impressy, 1676.

²⁸ *Tanner J.* Svatá cesta z Prahy do Staré Boleslavě k nejdůstojnější rodičce Boží Panně Marii. Praha, 1679.

²⁹ *Koniáš A.* Kljč Kacýřské Bludy K rozeznánj otwjragicý, K wykořeněnj zamjkagicý. Aneb Registřjk Něktěrych bludných, pohorssliwých, podezřelých, neb zapowěděných Kněh, s předcházečigými aučinliwými prostředky, s kterými pohorssliwé, a sskodliwé Knjhy wyskaumati, a wykořenjti se mohau. Hradec Králowe, 1749; *Idem.* Index Bohemicorum Librorum Prohibitorum, et Corrigendorum: Ordine Alphabeti digestus, Reverendissimi S. R. I. Principis Antonii Petri Archi-Episcopi Pragensis jussu collectus, atque editus. Praha, 1770.

понимании авторами того, каким образом католические доктрины должны объясняться простым верующим, какая аргументация для них наиболее убедительна. Если говорить о хронологических рамках, то деятельность легендарного миссионера Альбрехта Хановского пришлась на начало побелогорской рекатолизации, ряда авторов (Штейера, Виерия, Бридела, Таннера) – на ее продолжение во второй половине XVII в., эти деятели имели дело с обществом, в котором сначала значительную, потом небольшую часть составляли некаатолики. Сочинения же других (Естржабского, Бецковского, де Вальдта, Кониаша) относятся уже к XVIII в., когда официально все население Чешских земель уже принадлежало к католической церкви.

В качестве дополнительных источников были привлечены опубликованные письма реформационных комиссий, работавших в 1627–1629 гг.³⁰ Хотя изучение реализации рекатолизационной политики не является целью диссертации, анализ этих документов позволяет сопоставить взгляды католических проповедников с практикой рекатолизации как на уровне использования определенных формулировок в документах, так и на уровне реальных примеров. Члены комиссии в письмах обращались к местным властям в городах или шляхте, если речь шла о сельской местности, и просили содействия в учете имеющихся в населенном пункте некаатоликов, работе с ними и привлечении их к ответственности. Кроме того, вспомогательным источником стала опубликованная часть переписи подданных по вероисповеданию, проведенной в 1651 г.³¹

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что вопрос о восприятии ереси в католической культуре Чешских земель побелогорского периода недостаточно исследован в отечественной и зарубежной научной литературе. Следует отметить, что в отечественных работах практически не уделялось внимание ни проблеме рекатолизации Чешских земель, ни побелогорскому периоду в целом.

³⁰ *Dopisy reformační komise v Čechách z let 1627 – 1629* / Ed. A. Podlaha. Praha, 1908; *Mendelová J. Dekrety reformační komise pro Nové Město Pražské*. Praha, 2009.

³¹ *Soupis poddaných podle víry z roku 1651*. Rakovnícko. Praha, 1996.

Кроме того, изучение вопроса о корреляции между отношением к некаатолическим конфессиям и особенностями католической идеологии, который будет рассмотрен в данном исследовании, даст возможность приблизиться к пониманию глубинных причин религиозных конфликтов побелогорского периода, а также применить результаты исследования не только к Чешским землям, но и ко всей католической Европе раннего Нового времени.

Отметим также, что в диссертации анализируются сочинения барочных авторов, которым даже в чешской науке не уделялось должного внимания. Например, имена Павла Йозефа Акслара или Карела Рачина отсутствуют в «Справочнике чешской литературы», где собрана краткая информация о большом количестве литераторов разных эпох. Силезский иезуит Матей Виерий – также малоизвестная фигура как для отечественной, так и для зарубежной науки.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В диссертации исследуется слабо разработанная в отечественной и зарубежной историографии тема. Используемая в католической литературе терминология и специфика понятия «ересь» вписывается в работе в широкий контекст барочного благочестия и религиозной ситуации в Чешских землях побелогорского периода. Исследование частично затрагивает очень масштабную проблему тридентского католицизма, касается вопроса о том, как закрепленные Тридентским собором доктрины распространялись католической церковью среди населения, и почему тридентский католицизм оказался столь жизнеспособным. Кроме того, исследование представлений о ереси, транслируемых католической культурой, позволяет понять, как государство раннего Нового времени при помощи профессиональных, мастерски владеющих словом проповедников, осуществляло давление на общество с целью гомогенизации религиозного ландшафта.

Выводы и обобщения, к которым пришел автор, могут быть использованы при подготовке лекций и семинаров, посвященных чешской истории XVII в., проблемам католической конфессионализации и религиозности раннего Нового времени, а также культуре эпохи барокко.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность выводов диссертационной работы обусловлена критическим анализом значительного количества источников, касающихся представлений о ереси в чешскоязычной культуре эпохи барокко, а также привлечением широкого круга отечественной и иностранной научной литературы по теме диссертации. Основные результаты исследования изложены в шести статьях, опубликованных в научных изданиях. Четыре из них вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении учёных степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Отдельные положения диссертации были представлены на нескольких конференциях: «Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева)» (Москва, 25 февраля 2022 г.; доклад «Образ ада в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи»), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 23 – 24 мая 2023 г.; доклад «Страх и надежда в сочинениях чешских католиков эпохи Барокко»; 21 – 22 мая 2024 г.; доклад «Ересь как орудие дьявола в чешскоязычной католической литературе эпохи Барокко»), международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (12 – 26 апреля 2024 г.): «Еретик как враг: образ некаатолика в чешскоязычных сочинениях побелогорской эпохи»), конференция РГГУ «Демонология как семиотическая система» (Москва, 27 – 28 мая 2024 г.; доклад «“Вы хуже чертей”: демонизация еретиков и грешников в чешской католической литературе эпохи барокко»).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В побелогорский период произошла значительная религиозно-культурная трансформация на уровне государственной политики и на уровне культуры (в первую очередь, религиозно-нравственной литературы). Деятели рекатолизации пытались спустить эти представления на уровень общественного сознания и повседневной жизни верующих. Значительное место в комплексе этих представлений занимали образы «ереси» и «еретиков».
2. Ересь в культуре побелогорской эпохи понималась в русле устоявшихся, оформившихся еще в Средние века представлений, в XVI в. закрепленных

декретами Тридентского собора и Римским катехизисом (трактовка ереси как греха, идея о связи ереси и еретиков с дьяволом, образ еретика как врага). При этом для Тридентского католицизма характерна тенденция к смещению акцента с определения ереси на саму католическую доктрину и выявление того, что является истинным и католическим. В чешскоязычных сочинениях побелогорской эпохи эта тенденция проявилась в деформализации подхода к определению того, кого следует относить к еретикам, и даже размывании границы между еретиками и грешниками.

3. Для католических чешскоязычных сочинений побелогорской эпохи характерны представления о невозможности совместного проживания католиков и некатоликов в рамках одной общины и одного государства и необходимости сделать все чешское население католическим. Такое отношение можно трактовать как нетерпимое, разногласия между католическими авторами могли касаться не сути, а методов рекатолизации.
4. Представления побелогорских авторов о ереси соотносятся с задачами католической конфессионализации. Проповедники пытались сформировать у населения Чешских земель четкие представления об основных положениях католического вероучения и внедрить в повседневную жизнь специфически католические практики. В условиях размежевания конфессий католическая культура должна была способствовать формированию у людей более четкой конфессиональной идентичности, осознанию ими своей принадлежности к католической церкви и отличий от некатолических учений, воспринимаемых как еретические. Католическая конфессионализация предполагала также стремление проповедников к дисциплинированию чешского общества. С этим связано повышенное внимание к соблюдению нравственных норм и церковных предписаний, а также попытка сформировать модели поведения, основанные на постоянном участии в католических церковных практиках.
5. Католические проповедники пытались внедрить в сознание населения австрийскую модель благочестия (*Pietas Austriaca*), которая должна была превратиться из династической набожности в общепринятую во владениях

Габсбургов. Элементы габсбургской модели религиозности в интерпретации побелогорских авторов связывались с нетерпимым отношением к некаатоликам и борьбой с ересью, в том числе насильственной.

6. Трактовка ереси как политического преступления, предлагаемая католическими авторами побелогорского периода, превращала конфессиональные задачи в задачи политические. Проповедники выступали в качестве апологетов религиозной политики Габсбургов, выводя представителей династии защитниками католической веры и обосновывая правильность проводимой в Чешской землях рекатолизации. Но подобная интерпретация ереси и отношения к некаатоликам была важным элементом не только габсбургской модели благочестия, но и общекатолической религиозности раннего Нового времени.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, обзора источников и историографии, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения, содержащего иллюстрации.

Во **Введении** обоснована актуальность исследования и его научная новизна, сформулированы цель и исследовательские задачи, а также дана краткая характеристика исторической эпохи: рассмотрены уникальная модель толерантности, сформировавшаяся в Чешских землях в добелогорский период, положение католической церкви до и после битвы у Белой горы, политика рекатолизации и специфика ее проведения в разных регионах страны.

В **Обзоре источников и историографии** дана характеристика использованных в диссертации источников, приведены краткие биографические сведения об авторах, позволяющие оценить их вклад в рекатолизацию Чешских земель и влияние на массы простого не католического населения. Проанализирована степень научной разработанности темы в отечественной и зарубежной историографии.

В первой главе **«Трактовка понятия “ересь” в католической литературе побелогорской эпохи»** рассмотрен термин «ересь» в интерпретации католических авторов эпохи барокко. Поскольку деятели рекатолизации ориентировались на широкую аудиторию и преследовали практические цели, их сочинения не содержат сложных теоретических рассуждений и строгого определения ереси. Однако в текстах присутствуют разные термины, оттенки которых позволяют более детально охарактеризовать представления о ереси, сформулированные в чешскоязычной барочной литературе.

В **первом параграфе** речь идет об используемых для описания ереси и еретиков терминах. В побелогорских сочинениях часто встречаются понятия «ересь» (kacířství) и «еретик» (kacíř), которые служат для описания как раннехристианских и средневековых «ересей», так и всех не католических течений позднего Средневековья и раннего Нового времени. Термин «не католики» может

использоваться как синоним слова «еретики». Некатолические течения именуются также «сектами», использование этого термина позволяет подчеркнуть разобщенность не католиков и, следовательно, ложность их учений. Помимо «ереси» в литературе побелогорской эпохи встречается понятие «заблуждение» (blud), однако этим термином могут быть описаны любые отклонения от католической и христианской веры, в том числе язычество. В качестве характерных признаков «ереси» побелогорские авторы выделяют отрицание некоторых установленных католической церковью догматов, отсутствие единства среди не католических учений, их новизну, а также человеческое, а не божественное происхождение.

Второй параграф посвящен пониманию ереси как греха. В духе томистской традиции ересь трактуется в побелогорской проповеди как один из видов неверия, что делает ее грехом, закрывающим человеку путь к спасению, возможному только в католической церкви. Таким образом, католические авторы подчеркивали опасность ереси, поскольку принадлежность к «еретической» конфессии, с их точки зрения, не только делала человека грешником, но и не давала ему возможности избавиться от других грехов.

Однако ересь воспринималась барочными проповедниками как преступление не только против Бога, т.е. грех, но и против государства. В **третьем параграфе** ересь рассмотрена как политическое преступление. Такое восприятие не католических конфессий встречается не только в литературе, но и в государственной риторике раннего Нового времени. В конфессиональную эпоху задачу разграничения конфессий берет на себя не только церковь, но и светская власть, ведь именно Габсбурги выступают инициаторами всеобщей и насильственной рекатолизации Чешских земель. Некатолики изображаются проповедниками как возмутители общественного спокойствия и бунтовщики против государя, подобные представления частично восходят к трудам Августина. В раннее Новое время восприятие представителей других конфессий и религиозных групп как политических преступников было характерно не только для Чешских земель, но и для всей конфессионально расколотовой Европы.

В четвертом параграфе «“Яд”, “адские врата”, “гнилые плоды”: образ ереси в католической литературе» проанализированы наиболее характерные для побелогорской католической литературы топосы и образы: ересь как яд, гнилые плоды и плевелы, врата в Ад. Еретики уподобляются неразумным девам из притчи о десяти девах или нечистым животным, взятым на Ноев ковчег. Все эти образы имеют библейское происхождение и не являются изобретением барочных авторов. Однако важно подчеркнуть стремление побелогорских проповедников создать яркие, легко визуализируемые образы, чтобы вызвать у простых верующих страх и воздействовать на их сознание.

Пятый параграф «Виды еретиков» посвящен предлагаемой католическими авторами классификации еретических течений. Чаще всего в побелогорской литературе отсутствуют четкое деление и иерархия некатолических конфессий. Представители всех этих течений могут просто именоваться «некатоликами» или «евангеликами». Говоря о конкретных конфессиях и религиозных группах, католические авторы особое внимание уделяют гуситам, кальвинистам и лютеранам. Отдельную группу «еретиков» составляют тайные некатолики, которые оставались в Чешских землях и в XVII, и в XVIII вв., несмотря на значительные успехи рекатолизационной политики. Важный аспект побелогорской трактовки «ереси», затронутый в этом параграфе, – размывание границы между еретиками и грешными католиками. Проповедники часто обращаются ко всему населению, как к отпавшим от веры некатоликам, так и к не соблюдающим церковные предписания католикам. Существование тайных некатоликов и крайне низкий уровень катехизации населения, особенно в сельской местности, усложняли деятельность проповедников, миссионеров и местного приходского духовенства. Отличить убежденного протестанта от сомневающегося или плохо знающего учение католика было очень сложно, поскольку на вопросы миссионера или чиновника они могли отвечать одинаково и сами часто не понимали, к какому вероисповеданию себя причислить.

В шестом параграфе анализируется восприятие еретиков как врагов Бога, католической церкви и государства. Католические авторы создают в своих

сочинениях яркий образ врага, подчеркивая многочисленность еретиков, их жестокость, упорное сопротивление и исходящую от них угрозу. В параграфе рассматривается возросшая популярность образов Церкви Воинствующей (*Ecclesia Militans*) и христианина-воина, которые, будучи взяты из библейских текстов, активно транслировались в литературе и искусстве раннего Нового времени, а также официальной риторике католической церкви (в формулировках Тридентского собора и Римском катехизисе).

Для создания образа врага католические авторы прибегали к демонизации некатоликов, этот вопрос затрагивается в **седьмом параграфе**, названном «**Еретик – орудие дьявола**». Демонизация служила для католических проповедников важным инструментом воздействия на паству. Дьявол в побелогорских сочинениях представлялся как вдохновитель некатолических учений, вступивший в контакт с их основателями – Лютером, Кальвином и прочими. Кроме того, способом демонизации было наделение еретиков чертами, присущими сатане и чертям. Демонические характеристики приписывались не только еретикам, но и грешникам, это должно было подчеркнуть угрозу, которую представляли для набожного католика любые отклонения от «истинной» веры.

Вторая глава диссертации – «Принципы взаимодействия с еретиками» – посвящена проблеме религиозной терпимости и нетерпимости в эпоху побелогорской рекатолизации, а также методам борьбы с некатоликами и принципам взаимодействия с ними, предлагаемым католическими проповедниками как на государственном, так и на более низких уровнях.

В первом параграфе рассматривается трактовка понятий «терпимость» и «толерантность» применительно к эпохе раннего Нового времени. Современное понимание религиозной терпимости как уважительного отношения к каким-либо религиозным меньшинствам и их учениям было сформировано эпохой Просвещения, а для человека эпохи барокко терпимость означала отказ от преследования и согласие терпеть зло в случае невозможности бороться с ним.

В параграфе проанализирован вопрос о том, возможно ли терпимое отношение к некатоликам, с точки зрения побелогорских авторов. Католические проповедники

рассматривают два главных аспекта взаимодействия с некаатоликами. С одной стороны, они рассуждают о том, можно ли терпеть еретиков в стране, должен ли монарх допускать существование других конфессий в своем государстве. С другой стороны, в их сочинениях много внимания уделяется взаимодействию с некаатоликами в повседневной жизни и вопросу о том, может ли набожный католик иметь какие-либо дела с еретиками. В обоих случаях католические проповедники занимают достаточно жесткую позицию, они отрицают возможность сосуществования разных религиозных течений в рамках одного государства и видят одну из главных задач правителя в борьбе с ересью и защите католической церкви. Подобные представления соотносятся с принципом «*cuius regio, ejus religio*» и спецификой саморепрезентации династии Габсбургов. Рассматривая возможность взаимодействия между представителями разных конфессий в повседневной жизни, католические авторы настаивают на изоляции некаатоликов от католической общины. Простым верующим предлагается отказаться от общения с соседями-еретиками. Кроме того, побелогорские проповедники являются сторонниками таких методов давления на некаатолическое население, как запрет посещать церковь и хоронить умерших на католических кладбищах.

При этом важно подчеркнуть, что теория часто расходилась с практикой: сами проповедники понимали невозможность полного соблюдения предлагаемых ими правил в рамках поликонфессионального общества, а реформационные комиссии и другие институты, занимавшиеся реализацией рекатолизационной политики, часто шли на уступки некаатоликам либо в связи с собственной слабостью, либо руководствуясь другими политическими и экономическими факторами.

Во втором параграфе «**Борьба с ересью: насильственные методы**» рассмотрен взгляд барочных авторов на возможность применения насилия по отношению к некаатоликам. В побелогорской гомилетической литературе транслировалась идея борьбы с ересью любыми средствами, в том числе и насильственными. Католические проповедники выделяли следующие методы: казнь и суровые телесные наказания, тюремное заключение, изгнание из населенного пункта или из страны, а также различные ограничения и запреты

(лишение должностей и сословных прав, закрытие лавок и мастерских, запрет заниматься ремеслом или торговлей, запрет на браки с не католиками и т.д.). Кроме того, в католической литературе оправдывается ведение религиозной войны. Предлагаемые проповедниками насильственные методы применялись и на практике, особенно в первые десятилетия после битвы у Белой горы, однако они не всегда оказывались эффективными и приводили к формальной и поверхностной рекатолизации.

В третьем параграфе **«Мирные методы борьбы с ересью: проповедники и миссионеры»** раскрывается одна из важнейших задач побелогорской рекатолизации – формирование более глубокой и осознанной модели религиозности. Для решения этой задачи насильственные методы оказывались неэффективными, требовалось воздействие на сознание верующих, внедрение религиозных практик в их повседневную жизнь. Значение проповеди было подчеркнуто на Тридентском соборе, таким образом, проповедническая и миссионерская деятельность стала важным элементом тридентского католицизма, прошедшего через внутреннюю реформу.

Проповедь эпохи барокко продолжала прибегать к распространенному в Средние века «пастырству страха», т.е. устрашению паствы, постоянному преувеличению человеческой вины и греховности. Для большинства чешскоязычных проповедей характерен простой язык и обращение к бытовым примерам. Важной составляющей тридентского благочестия было размышление, особое значение ему придавали иезуиты. Побелогорская гомилетическая литература призывала верующих постоянно рефлексировать о жизни Христа и крестных муках, об Аде и Рае, о святых, о Деве Марии, о грехе и спасении и т.д., а также визуализировать все эти сюжеты.

Проповеднической деятельностью занимались не только приходские священники, но и миссионеры. Значение внутренних миссий для рекатолизации Чешских земель заключалось в том, что система приходов охватила всю страну не сразу, формирование организационной структуры католической церкви было

долгим и сложным процессом, что приводило к нехватке приходских священников в отдаленных регионах или их недостаточной компетентности.

Анализ побелогорской литературы позволяет выделить еще одну задачу католического духовенства в период рекатолизации – включение населения в религиозную жизнь общины. Проповедники и миссионеры пытались сделать церковные практики частью повседневности, призывая верующих отправляться в паломничества, принимать активное участие в церковных праздниках, вступать в религиозные братства.

Четвертый параграф посвящен еще нескольким мирным методам борьбы с ересью: образованию и контролю над некатолической литературой. Образование имело большое значение в процессе рекатолизации еще в добелогорский период, и ключевую роль в его развитии сыграло Общество Иисуса. Созданная иезуитами педагогическая система считалась образцовой, их *Ratio studiorum*, основанный на индивидуальном подходе к каждому ученику, стал инструкцией для организации школьного образования. Школа должна была способствовать катехизации населения, усвоению основ вероучения как детьми, так и взрослыми, поскольку дома ребенок мог пересказывать родственникам пройденное в школе.

Еще одним важным методом борьбы с распространением некатолических учений был контроль над литературой. Иезуит Антонин Кониаш составил два списка запрещенных книг специально для Чешских земель, куда вошли как сочинения некатолических авторов, так и католические книги, в которых какие-либо разделы или даже отдельные фразы вызывали сомнения. Анализ этих списков свидетельствует о пристальном внимании католической церкви к книгам и чтению, а также о глубоком и системном подходе к рекатолизации.

В **пятом параграфе** характеризуется соотношение светской и церковной власти в борьбе с некаталиками и решении религиозных вопросов. Католические авторы всячески подчеркивают роль монарха в борьбе с еретическими учениями, особенно акцентируя внимание на правителях династии Габсбургов. Рекатолизация, в их представлении, является делом светской власти, как монарха,

так и чиновников на всех уровнях. Духовная власть отодвигается в побелогорской проповеди на второй план.

Третья глава «Обоснование религиозной нетерпимости» посвящена анализу аргументации, используемой католическими авторами для обоснования насильственной борьбы с ересью. Важный вопрос заключается в том, есть ли корреляция между религиозной нетерпимостью и определенной трактовкой религиозных идей и библейских сюжетов.

В первом параграфе проанализированы библейские примеры, используемые католическими авторами для обоснования нетерпимого отношения к некаатоликом. Чаще всего речь идет о ветхозаветных образах, поскольку именно в Ветхом Завете можно найти множество примеров жестокого обращения с врагами и суровых наказаний, однако иногда встречаются и сюжеты из Нового Завета.

Во втором параграфе обрисована идея о трудности спасения, основанная на притче о званых на брачный пир из 22 главы Евангелия от Матфея. Противопоставление немногих избранных огромной массе проклятых восходит еще к взглядам Августина. Для побелогорских авторов этот тезис мог служить обоснованием религиозного насилия. Мысль о трудности спасения связывалась в католической литературе еще с тремя важными идеями: неизвестностью времени смерти, невозможностью узнать свою посмертную судьбу и библейским мотивом исполненной меры грехов. Все эти представления в совокупности могли служить обоснованием нетерпимости по отношению к некаатоликам, которые не только закрывали двери в Рай самим себе, но и могли сбить с пути спасения других людей. У Матея Виерия притча о брачном пире даже используется для оправдания войны правителя против некаатолического населения его страны. Популярным у побелогорских проповедников сюжетом была притча о пшенице и плевелах из 13 главы Евангелия от Матфея, можно выделить несколько особенностей ее толкования в барочной литературе. Во-первых, этот сюжет объяснял, почему Бог допускает существование еретиков вместе с католиками. Во-вторых, отделение пшеницы от плевел, т.е. еретиков и грешников от достойных спасения, должно было произойти на Страшном суде, в такой интерпретации притча объясняла нетерпимое

отношение к некаатоликам, но не позволяла оправдать насильственную борьбу с ними. Однако некоторые авторы, в частности М. Штейер, предлагали иное толкование и связывали сюжет о пшенице и плевелах с наказанием еретиков на этом свете с помощью церковной или светской власти.

Насильственное обращение в католицизм интерпретируется в побелогорской проповеди как проявление заботы о спасении душ других людей и любви к ближнему, этот аспект рассмотрен в **третьем параграфе**. Такое проявление заботы о ближних считается католическими авторами важной задачей как идеального христианского правителя, так и любого благочестивого католика. Исправление еретиков (и грешников в целом) может восприниматься как своеобразная форма подражания Христу (*Imitatio Christi*), который представлялся примером жертвенной любви.

В **четвертом параграфе «Идея конфессионального единства»** выявляется связь между религиозной нетерпимостью и принципом *cujus regio, ejus religio*, предполагающим приведение подданных к исповедуемой монархом религии. Идея конфессионального единства характерна не только для религиозной литературы, но и для государственной риторики, она лежит в основе патента Фердинанда II от 31 июля 1627 года. В этом документе император апеллирует к временам Карла IV, который представлен хранителем порядка и единства в империи, не допуская распространения ереси и религиозных разногласий. Такой же образ Карла создается и в чешскоязычной литературе.

В **четвертой главе «Ересь в контексте религиозности раннего Нового времени»** в фокусе внимания оказывается связь между трактовкой понятия «ересь» и особенностями барочного благочестия. Глава состоит из двух разделов, посвященных наиболее характерным для мировоззрения побелогорского периода концепциям: католической конфессионализации и австрийской модели набожности.

Первый параграф посвящен католической конфессионализации. Процесс догматического, религиозно-нравственного и организационного размежевания конфессий требовал более четкого определения того, что является католическим, а

что должно считаться ересью. Побелогорские проповедники предлагали своим слушателям католическое учение, основы которого были закреплены Тридентским собором. Акцент в их сочинениях делался на тех положениях, которые позволяли отличить католика от протестанта: почитание святых, их изображений и мощей, вопрос о Чаше и необходимость добрых дел для спасения. При этом на практике деятели рекатолизации сталкивались с крайне низким уровнем катехизации населения и с незнанием самых банальных вещей, что вынуждало их излагать в своих сочинениях основы вероучения (вплоть до того, как правильно осенять себя крестным знамением). Это лишний раз доказывает, что побелогорская рекатолизация была направлена на всех жителей Чешских земель, как католиков, так и уtrakвистов, и имела целью формирование более осознанной модели набожности, а не только обращение населения в католицизм.

Во **втором параграфе «Pietas Austriaca»** анализируется отношение к не католикам в контексте габсбургской модели благочестия. В основе Pietas Austriaca лежат культ Святого Креста, евхаристическая набожность, марианское благочестие и почитание святых. В параграфе показана связь между каждым из этих элементов и религиозной нетерпимостью. Все составляющие австрийской модели набожности оказывались задействованы в идеологическом давлении на не католиков: Дева Мария и святые поддерживали католиков в борьбе с еретиками; как символ победы над ересью воспринимался также Крест; Евхаристическая набожность позволяла отличить католика от еретика и предлагалась верующим как защита от ереси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении диссертации подведены итоги проведенной работы и предложены гипотезы для дальнейших исследований.

Побелогорские проповедники трактовали ересь в соответствии с католической доктриной, в русле тридентского католицизма, который, в свою очередь, закрепил основы католической традиции, сложившиеся в предшествующие века. Однако представления о ереси не могут не трансформироваться под влиянием обстоятельств. После Реформации еретиками, т.е. отступившими от «истинной» доктрины, становятся все нектолики, а значит большая часть жителей Чешского королевства на момент начала побелогорской эпохи. Если в Средние века еретики объединялись в небольшие группы, то теперь они окружали католическую церковь повсюду, «еретическими» стали целые страны и регионы.

Описывая еретиков, побелогорские проповедники делали акцент на догматических и обрядовых вопросах, позволяющих отличить католика от еретика-протестанта. Речь идет о причастии под одним видом, почитании Девы Марии и святых как заступников и посредников между человеком и Богом, невозможности спасения без добрых дел, вере в Чистилище и т.д. Кроме того, признаком ереси могло быть владение нектолическими книгами. Кажется, что все это действительно позволяет определить, кто перед нами – добрый католик или отпавший от истинной веры еретик. Но реальная конфессиональная ситуация была гораздо сложнее, поскольку предложенные духовенством признаки не всегда осознавались простым населением, не разбирающимся в догматических тонкостях. Часто отличить католика от нектолика, а тем более четко отнести человека к какой-либо конфессии не представлялось возможным.

Анализ католических представлений о ереси приводит нас к выводу о том, что помимо гомогенизации религиозного ландшафта, деятели рекатолизации стремились к формированию у населения более осознанной и глубокой набожности и внедрения религиозно-нравственных норм в повседневную жизнь паствы. Именно такое отношение к благочестию было неотъемлемой частью тридентского

католицизма и *Pietas Austriaca*. В основе пережившего реформу католицизма лежало стремление к осознанной и более индивидуальной религиозности, истоки этой трансформации следует искать в сформировавшемся еще в XV в. «новом благочестии» (*Devotio Moderna*)³².

Ради достижения целей рекатолизационной политики католическая церковь готова была приспосабливаться к «структурам повседневности», например, терпимо относиться к суевериям. Побелогорская проповедь формировала не только мировоззрение паствы, но и модели поведения, основанные на деятельном участии в религиозной жизни и соблюдении церковных обрядов и нравственных норм. Это позволяет говорить о стремлении к социальному дисциплинированию чешского общества.

Анализ побелогорских чешскоязычных сочинений показывает, что обоснованием религиозной нетерпимости могут служить определенные конфессиональные установки, в частности представления о трудности спасения и противопоставление горстки праведников огромной массе обреченных на проклятие; идея страдания за веру, одним из видов которого является страдание от рук еретиков, неверных или грешников; тезис об исходящей от некатоликов угрозе и их способности лишить католиков шанса на спасение; трактовка обращения еретиков как проявления любви к ним и заботы об их спасении. Важным обоснованием нетерпимости служат также некоторые сюжеты из Священного Писания (в первую очередь притча о брачном пире, притча о пшенице и плевелах).

Католическая культура в Чешских землях транслировала не только основы тридентского католицизма, она должна была закрепить в сознании чешских верующих особую модель благочестия – *Pietas Austriaca* – распространявшуюся Габсбургами во всех подвластных им землях. Католическая проповедь стремилась сформировать у населения лояльность к Габсбургам: созданные в ней образы правителей прославляли династию и начатую ей рекатолизационную политику, а идея конфессионального единства – часть официальной риторики властей –

³² Лемэтр Н. Католики и протестанты: религиозный раскол XVI века в новом освещении // Вопросы истории. 1995. № 10. С. 46.

становилась еще одним обоснованием борьбы с некаатоликами. Важно отметить, что *Pietas Austriaca* также могла служить обоснованием религиозной нетерпимости и давления на некаатоликов, поскольку католические проповедники трактовали все элементы этой модели набожности как символы победы над ересью и защиты от нее.

Тексты проповедей не дают возможности проследить итоги побелогорской рекатолизации и степень ее успешности. Однако ряд наблюдений все же необходимо сделать. Во-первых, католические проповедники относились к ереси жестко и бескомпромиссно, на практике же властям приходилось идти на уступки и временно терпеть «еретиков», а также довольствоваться формальным обращением некоторых некаатоликов. Во-вторых, католическая проповедь предлагала простому населению очень суровый, практически монашеский аскетический идеал. Вся повседневность и даже все мысли католика раннего Нового времени должны были подчиняться религиозно-нравственным нормам и церковным предписаниям. Однако этот идеал не мог быть полностью воплощен в жизнь, поэтому как в начале побелогорского периода, так и в XVIII в. проповедники сталкивались с низким уровнем катехизации населения, формальным отношением к вере и большим количеством тайных некаатоликов.

В связи с этим в дальнейших исследованиях может быть рассмотрен вопрос о том, как внушаемые проповедниками представления укоренялись в сознании простых верующих, стали ли эти представления частью барочного мировоззрения. Однако эта проблематика требует привлечения других типов источников.

Кроме того, в рамках дальнейшей разработки темы следовало бы более детально сопоставить католическую литературу с официальными текстами, выявить общие тенденции и похожие формулировки. Предполагается, что, с одной стороны, весь этот комплекс источников отражал одни и те же представления о ереси и некаатоликах, характерные для эпохи барокко. С другой стороны, католические проповедники выступали проводниками религиозной политики Габсбургов, поэтому их тексты могли повторять официальную риторику, формируя в чешском обществе лояльность правящей династии.

Список публикаций по теме диссертации

Научные статьи по теме диссертационного исследования, опубликованные в журналах из ядра РИНЦ, а также в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.2. Всеобщая история

1. Белова Н.Р. Культ святого Вацлава и побелогорская рекатолизация Чешских земель (на основе книги Яна Таннера и Феликса Кадлинского «Жизнь и слава святого Вацлава, мученика, князя, короля и покровителя Чехии») // Клио. 2024. № 5(209). С. 36–42. EDN: CNVSOR. Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ). 0,81 п.л.
2. Белова Н.Р. Список запрещенных книг как инструмент рекатолизации чешских земель // Человеческий капитал. 2023. №12(180). С. 30–37. EDN: QKORQX. Импакт-фактор 0,558 (РИНЦ). 0,71 п.л.
3. Белова Н.Р. Представления о благой смерти в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи // Славяноведение. 2023. № 2. С. 115–124. EDN: VURTLQ. Импакт-фактор 0,192 (РИНЦ). 0,8 п.л.
4. Белова Н.Р. Ад, Чистилище, Рай в сочинениях чешских католических авторов периода рекатолизации // Человеческий капитал. 2023. №4(172). С. 19–28. EDN: XXZMYQ. Импакт-фактор 0,558 (РИНЦ). 0,85 п.л.

Иные публикации

5. Белова Н.Р. Образ ада в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи // Историки-слависты МГУ: Кн. 15: Ключевые проблемы истории южных и западных славян в новое и новейшее время (к 100-летию профессора В.Г. Карасева). Научный сборник / Отв. ред. Г.Ф. Матвеев, О.А. Дубовик, Л.В. Кузьмичева. М.: Издатель Степаненко, 2023. С. 115–122. EDN: TTGZXF. 0,47 п.л.
6. Белова Н.Р. «Вы хуже чертей»: демонизация еретиков и грешников в чешской католической литературе эпохи барокко // In Umbra: Демонология как

семиотическая система: Альманах. № 12. / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М.: РГГУ, 2025. С. 128–144. 1,06 п.л.